

Дела следователя Воронина

ФАБРИКА ИСТИНЫ

Конспирологический детектив

Георгий Рассветов

Георгий Рассветов

Фабрика истины

«Автор»

2026

Рассветов Г.

Фабрика истины / Г. Рассветов — «Автор», 2026

В тихом научном институте убит профессор. Версия — бытовой конфликт. Следователь Артём Воронин готов закрыть дело, но коллега погибшего настаивает: смерть связана с архивной находкой. Кто-то переписывает историю, стирая целые дворянские роды, и профессор знал слишком много. Воронин не верит в заговоры. Но когда документы из кабинета исчезают, на свидетелей нападают, а собственное начальство советует забыть о деле, он понимает: это только начало. Расследование уводит его от привычных фактов в мир, где правда меняется по чьей-то воле, а за неё платят жизнью. Классический детектив, замешанный на конспирологии. Для тех, кто любит загадки, нестандартные улики и расследования, в которых прошлое пытаются переписать.

© Рассветов Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Георгий Рассветов

Фабрика истины

Глава 1

Он проснулся за минуту до будильника. Это было не врождённое чувство времени, не дар и не привычка — просто за десятилетие работы в убойном отделе его внутренние часы сбились с общего ритма и подчинились только одному закону: смерть не терпит опозданий. Артём Воронин открыл глаза, уставился в белый потолок с крошечной трещиной, напоминавшей карту Волги, и несколько секунд просто лежал, прислушиваясь к собственному дыханию. В квартире пахло заваркой, оставшейся с вечера, и сыростью — октябрь в этом городе всегда начинался с мелкого, настырного дождя, который пробирался даже сквозь закрытые окна, оседая на подоконниках липким серым налётом. Телефон на тумбочке коротко дрогнул, издал металлический звук, похожий на удар о рельс, и затих. Воронин протянул руку, не глядя, нащупал аппарат и поднёс к глазам. Сообщение от дежурного: *«Труп в НИИ хронометрии, улица Плеханова, 17. Срочный выезд. Начальство просит лично».*

Он выругался негромко, но беззлобно, как выдыхают перед рывком. НИИ хронометрии — он смутно помнил это учреждение по каким-то старым сводкам: что-то про календарные реформы, про системы исчисления времени для астрономических обсерваторий, про архивы метеорологических наблюдений за последние двести лет. Звучало скучно, безопасно и совершенно не похоже на место для убийства. Обычно в таких учреждениях умирали от инфаркта за рабочим столом, или падали с лестницы, поскользнувшись на мокрой плитке, или, в крайнем случае, выпивали лишнего на корпоративе и замерзали в сугробе по дороге к такси. Но утренний звонок и формулировка «труп» намекали на то, что сегодняшний день выпадет из привычного графика.

Воронин поднялся, прошёл в ванную, ополоснул лицо ледяной водой и посмотрел на себя в зеркало. Сорок два года, серые глаза, жёсткая складка между бровями, которая с каждым годом становилась всё глубже, будто кто-то невидимый проводил по лбу остриём ножа. Он был некрасив в том смысле, в каком некрасива старая брусчатка на мостовой — в ней нет изящества, но есть надёжность и следы тысяч шагов. Коротко стриженные тёмные волосы начали сесть у висков, но он не красился и не брился налысо, считая эту естественную географию возраста единственной честной картой своего лица.

Он оделся за пять минут: тёмно-синий костюм, который помнил ещё Советский Союз по качеству ткани, но который сохранял форму лучше любого итальянского, рубашка цвета слоновой кости без галстука, старые армейские ботинки, начищенные до матового блеска. Из оружия — табельный «Макаров» в кобуре под мышкой, из личного — зажигалка «Zippo», выигранная в карты у ныне покойного оперативника, и ключи от машины с брелоком, который не пищал уже три года. Он вышел из квартиры, не оглядываясь.

Москва встретила его своим привычным утренним гиньолом: гудки, визг тормозов, мутный свет фар в дождевой взвеси. Воронин вёл «Ладу» двадцатилетней давности, внутри которой пахло бензином и старым коззамом, и думал о том, что убийство в научном институте — это почти всегда семейная драма. Муж застал жену с коллегой, аспирант не получил кафедру, академик проиграл грант. Мотивы у интеллигенции те же, что у грузчиков или банкиров, просто формулируются длиннее и с использованием придаточных предложений. Он уже мысленно составлял протокол и прикидывал список вопросов: кто видел, кто слышал, кто имел доступ,

кто не имел алиби. Рутин. Спасительная, понятная рутина, в которой нет места заговорам, подземным ходам и тайным обществам.

Институт хронометрии оказался сталинской постройкой — тяжёлое здание из серого камня с колоннами, которые выглядели так, будто должны держать не потолок, а весь небесный свод. На фасаде висела потускневшая бронзовая табличка с надписью: «*НИИ мер времени и исторической метрологии*». Воронин усмехнулся про себя. Мера времени. Звучало как оксюморон — разве время можно измерить? Оно текло сквозь пальцы, ускользало, обманывало, а эти люди сидели здесь и пытались разложить его по полочкам, как коллекцию бабочек. Наверное, поэтому их и убивают — за самонадеянность.

Он припарковался на газоне перед шлагбаумом, не обращая внимания на возмущённый взгляд охранника, и вышел под дождь. Мелкие капли тотчас посеребрили плечи пиджака. У входа его уже ждал старший оперуполномоченный, молодой парень по фамилии Громов, который так и сиял служебным рвением, будто убийство было его личным подарком на день рождения.

— Артём Сергеевич, там такое! — выпалил Громов, едва переступив порог. — Профессор, доктор наук. Удар по голове, но мы нашли ещё кое-что. Странное.

Воронин не удостоил его ответом, только кивнул и жестом показал вести дальше. Внутреннее убранство института поначалу обманывало: высокие потолки с лепниной, мраморные полы, массивные дубовые двери с латунными ручками, отполированными до зеркального блеска. Пахло здесь воском и старой бумагой, тем особенным запахом, который бывает только в местах, где люди десятилетиями перебирают документы, вдыхая пыль веков. Но стоило свернуть в правый коридор, как великолепии заканчивалось. Здесь начиналась рабочая зона: узкие проходы, обшарпанные стены, выцветшие плакаты с техникой безопасности, лампы дневного света, мерцающие с надрывным гулом. На полу, у самой двери с табличкой «**Кабинет № 412. Проф. Б. А. Рязанцев**», Воронин заметил свежие следы обуви, лужицы талой грязи и одну засохшую каплю, которая была темнее остальных. Кровь.

Он остановился у входа, надел бахилы и перчатки, перекрестился привычным жестом, которого сам не замечал, и шагнул внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.